

АНДРЕЙ ТЕРЕХОВ

АПЕЛЬСИНОВОЕ

ДЕРЕВО

18+

Андрей Терехов
Апельсиновое дерево

«Автор»

2017

Терехов А. С.

Апельсиновое дерево / А. С. Терехов — «Автор», 2017

Вообразите город будущего, где весь глянец и лоск технологической цивилизации разъедается пламенем войны. Где самой дорогой вещью становится не новый телефон, а простой апельсин - как единственное средство от авитаминоза, от голода; как память о солнечном мире, которого больше нет. Рассказ вышел в составе сборника «Новая фантастика 2021».

© Терехов А. С., 2017

© Автор, 2017

Андрей Терехов

Апельсиновое дерево

Мимо грязно-белых стен монастыря, по гадкой, изрытой взрывами улице идет девушка лет шестнадцати. Это Кнопка. Вдоль тыльной стороны ее ладони пробегают по татуировке желтые искры; глаза Кнопки усталые, сонные, полуприкрытые от солнца и плотного, сырого ветра.

Декабрь 2055-го, оттепель. Улица тает, капает, течет. В воронках блестят на солнце рябые лужи, вода которых отражает странно голубое для этого города и для этого времени года небо. На фоне летнего зазеркалья качаются березы – голые и страшные, в ожогах и прикипевших ошметках. Плоти? Пластика? Никто уж не разберет.

За монастырем убегают к горизонту частные дома. Кнопка подходит к барочным дверям и воротам, нажимает на звонки. Ей не нужно, чтобы вышли хозяева, и надсадных трелей не нужно, ей просто нравится ТЫКАТЬ в кнопки. Нравится гладкая, прохладная, округлая поверхность под подушечкой указательного пальца. Нравится щелчок в конце или та легкая, щекотная вибрация, которая отдается в локоть и голову. Разница форм, граней, цвета, шершавости...

Кнопка сквозь силу, но довольно урчит, достает из кармана красный фантик и лижет. Она не встречала такие батончики с начала войны и подобрала, несмотря на собственное правило «земля-еда-кранты-крысы». Язык Кнопки пробегает по сладким крошкам внутри обертки, и тело девушки напрягается от яркого вкуса. Мысленно она вгрызается в шоколадно-клубничную плоть – мысленно же забывает растянуть удовольствие. В реальности ситуация менее радужная: Кнопка не замечает, что по колено заходит в воронку. Штаны тяжелеют, и ледяная вода заливается в объемистые, не по размеру, голенища.

– Ах ты, черт! – Девушка вздрагивает от холода и смотрит вниз. Татуировка искрится, обжигает кожу на руке. – Черт-черт-черт!

Кнопка судорожно сует фантик в карман, выкарабкивается из воронки и по одному опорожняет сапоги. Татуировка постепенно остывает.

***

Когда девушка останавливается у особняка на набережной, на часах без пятнадцати два. В животе посасывает от голода, и до смерти хочется сна, тепла, лета. Кнопка стирает жирную гарь с таблички и слабо улыбается.

ЛУННАЯ УЛИЦА, 73

Дом переживает не лучшие времена: окна ослепила кирпичная кладка, левое крыло до основания перемолото взрывом. Кнопка переступает ржавые капканы и замечает у входа табличку.

ОТДАМ ЗА ЕДУ И ГОРЮЧЕЕ ЛЮБЫЕ ВЕЩИ. ЕСТЬ КНИГИ, ГОРЧИЦА, КИЯНКА, ПАССАТИЖИ, РАСТОПКА, ТАБЛЕТКИ ОТ ДИАРЕИ (ПРОСРОЧЕННЫЕ), СТАРЫЙ ВОДЯНОЙ ФИЛЬТР.

Солнце сверкает на маленьком звонке. Кнопка заносит над ним руку, но изнутри вдруг доносится металлическое дребезжание, дверь открывается. Девушка видит рукоятку пистолета и пузо в обрамлении черной меховой жилетки, затем – когда поднимает взгляд – бычью шею с

круговым шрамом, наконец – когда до предела задирает подбородок, – красивое, изможденное, удивленное лицо хозяина. От габаритов мужчины Кнопке становится не по себе.

– Чем могу помочь, милая? – безжизненным голосом спрашивает гигант. Едва он приоткрывает зубы на «и», в воздухе появляется гнилостный запах.

– А?

– Чем...

– А... – Кнопка понимает, что держит руку у звонка, и медленно опускает ее. – Я это... Слышала, что у вас есть настоящее апельсиновое дерево. Так это... не дадите один апельсин для моего брата?

Взгляд мужчины мрачнеет.

– Он совсем маленький, – торопливо добавляет Кнопка, – у него... как это... дистрофия, и... и... он вряд ли переживет эту ночь. И никогда такого не ел, но очень...

– Не слишком убедительно, милая.

Кнопка вяло разводит руками.

– Мы оба прекрасно понимаем, милая.

– Хотя бы дольку? Неужели в вас нет... это... сострадания?

– А у тебя есть брат, милая? – Мужчина складывает руки на груди.

– Да.

– Из кармана у тебя, милая, торчит клубничный «Чоко».

Кнопка глупо смотрит на мужчину и секунд двадцать спустя понимает, что речь идет о фантике.

– А на губе, – хозяин вздергивает бровь, – шоколадная крошка.

– Я...

– Я семь лет не ел клубничный «Чоко», – в голосе хозяина появляется неприкрытая, но какая-то беззубая злость, – я бы за него душу продал. И уж точно сестра отдала бы клубничный «Чоко» младшему брату. Так что, я думаю, апельсин ты продашь втридорога. Или нет, скорее, купишь месячный рацион у гуманитарного конвоя и будешь есть, пока не умрешь от заворота кишок. Перемирие заканчивается во сколько? В девять? Так что ты, очевидно, из-за Черты или без документов, и последнее время ты ешь одну крысятку...

– Я лучше с голода умру, чем буду крыс есть! И, если у меня был такой ценный батончик, я разве не поменяла бы ЕГО?

– Даже я сначала бы съел этот батончик, милая, а потом бы задумался.

Мужчина пожимает плечами.

– Ладно! – Девушка чувствует, что ее губы вздрагивают. – Ладно. Это... я пыталась как лучше.

Тату обжигают руку по всей длине, разряжаются с треском желтыми дугами, – и Кнопка с наслаждением вламывает хозяину в ухо. Доносится «ох», мужчина крушит головой косяк и оседает. Девушка пару секунд бездумно рассматривает неподвижное тело, затем перебирается через него, как через насыпь. Поднимает увесистые ноги гиганта и, борясь с усталостью, заторможенно моргая, волочит его в прихожую. Из прихожей, холодной и сумрачной, мимо очередных ржавых капканов, – в пустой коридор.

Людей не видно; нет ни мебели, ни обоев, ни половиц. Пахнет зимней сыростью, и тусклый свет струится из зеркал под потолком. У Кнопки сбивается дыхание. Тяжелые ноги мужчины выскользывают из ее слабеющих рук и с глухим перестуком падают на пол.

Кнопка с трудом вытаскивает из брюк гиганта рыжий пояс и связывает его руки и ноги крест-накрест за спиной. Проверяет карманы – зеленая зажигалка, туалетная бумага – и забирает пистолет.

Когда девушка осторожно толкает ближайшую дверь, металлическое дребезжание раздается еще громче, чем у входа. От резкого звука Кнопку охватывает ледяной страх, хотя

она видит лишь жилое, теплое помещение. Девушка медлит секунду, затем пробует кончиком сапога упругий желтый ковер. Звон колокольчиков – да, колокольчиков! – стихает, и сквозь него проявляется мягкий треск. Кнопка переступает порог и оглядывается.

Свет, такой же холодный и призрачный, струится из зеркал под потолком; пахнет чем-то соленным. У дальней стены скособочился книжный шкаф, в центре – стол и кресло, которое лежит на боку. На вешалке у входа вытянулись по струнке бледно-розовая куртка, женская шуба (облезлая) и желтый дождевик (вполне себе ничего).

Кнопка ударяется обо что-то ногой и в страхе отступает. По тату на руке пробегают горячие разряды, волосы встают дыбом.

Это не капкан. Не капкан.

Наклонившись, Кнопка осознает, что видит ламповое радио, – от него и идет треск помех. Девушка бережно поднимает тяжелый прибор и с наслаждением жмет ребристую клавишу динамо-машинки, пока шкала не загорается слабым синим светом.

– ...ших от истощения и авитаминоза, – сообщает диктор, когда Кнопка подкручивает регулятор частоты, – увеличилось до тысячи двухсот сорока восьми человек. Тем временем ответственность за захват минометного расчета взяла на себя террористическая организация «Освобожденный город». По заявлению, сделанному на пиратской станции «Города», обстрел правительственных кварталов продолжится, пока не будет отменена система талонов на питание.

Кнопка морщится и переводит взгляд на стену. В тусклом зазеркальном свете виднеется черно-белая фотокарточка: мужчина перед домом.

Девушка слушается невнятного внутреннего порыва и поднимает руку, машет в приветственном жесте. Мужчина на снимке, конечно, не отвечает.

***

Кнопка поднимается из дурного, тесного подвала в кухню и без сил садится. Кухня – вторая в доме комната, где сохранилась мебель (хоть и пропахла дымом): стол оттенка крем-брюле, до одури обыкновенная табуретка и белый буфет с пыльными консервами. В окне исчезает труба ребристой печки, а рядом трепыхается бледно-желтый блокнот – с дотошным, истеричным перечнем тающих запасов.

Желудок урчит, Кнопка в раздражении отворачивается от буфета.

Остальные помещения пусты – ни людей, ни следов апельсинового дерева, – и она злится на себя, что повелась на красивую байку.

Что дальше? Пытать хозяина? Девушка достает нож и подушечкой указательного пальца проверяет остроту.

Сквозь решетку глубокого узкого окна заглядывает закат и будто зажигает лезвие. Мутный шар солнца повисает над ледяной рекой, над горизонтом: заполняет красным-красным светом тесную кухню и зеркала под потолком, швыряет на стену тень решетки, уносит девушку куда-то, куда-то...

Доносится негромкий голос. Кнопка вздрагивает и открывает глаза. Она не понимает, где находится и что происходит, пока не различает бубнеж приемника. С невероятным трудом девушка встает и, пошатываясь, сонно моргая, бредет на звук.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.